

УДК 94(470)"7/12"+930.85

doi: 10.26907/2541-7738.2019.2-3.84-95

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В СРЕДИЗЕМНОМОРСКОЙ СИСТЕМЕ: ЭТАПЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Д.В. Пузанов

*Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН,
г. Ижевск, 426004, Россия*

Аннотация

В статье раскрываются обстоятельства интеграции обществ Восточной Европы в средиземноморскую систему (в терминологии С. Амина). Эволюция догосударственных и раннегосударственных социумов рассматривается как результат сложного сочетания глобальных и локальных факторов развития. Отмечается, что вхождению региона в средиземноморскую систему предшествовала активность крупных военизированных догосударственных образований, которые удачно использовали преимущества архаичной социальной структуры в мир-системных отношениях. Вступление региона в состав средиземноморской системы предлагается датировать временем утверждения в регионе метафизики, на которой базировалось ее единство. Восточная Европа входит в данную систему в качестве периферии, чем объясняются процессы политической дезинтеграции. Выделяются этапы интеграции Восточной Европы в средиземноморскую систему. Отмечается, что при наличии явных признаков зависимого развития цивилизации региона имелись и некоторые черты ранних миров-систем, чему найдены некоторые аналоги в мировой истории. Работа является редкой попыткой рассмотреть историю домонгольской Восточной Европы с точки зрения мир-системного подхода.

Ключевые слова: Хазария, Волжская Булгария, Древняя Русь, средиземноморская система, мир-системный подход, иудаизм, христианство, ислам

В современном мире по мере нарастания процессов интеграции актуальной становится проблема обнаружения истоков глобализации. Социальная эволюция все чаще рассматривается не как процесс трансформации отдельных сообществ, но как изменения в целых системах социумов. Такие объединения обнаруживают даже в первобытном обществе, в системах бигменов и чифдомов [1, р. 42–43], хотя возникновение государственности в то же время считается важным этапом в развитии миров-систем [1, р. 44].

Сторонники мир-системного подхода обычно мало внимания уделяли истории Восточной Европы до XIII в. С. Амин, оценивая степень развития феодальных отношений в ряде регионов Северной, Центральной и Восточной Европы, писал, что они здесь побеждают поздно и благодаря внешнему влиянию (в случае Восточной Европы – благодаря влиянию монголов). Причины этого исследователь

видел в «активности доданнического сообщества»¹ [2, р. 235]. Интересно, что сам феодализм С. Амин характеризовал как периферийный, неполный даннический способ производства [2, р. 233, 237]. В монографии, посвященной России, исследователь, к сожалению, фактически проигнорировал домонгольский период. В ней он повторяет высказанную им ранее мысль о том, что в глобальную историю Евразия входит в период между 1250 и 1500 гг. [3, р. 180; 4, с. 23], когда традиционные торговые пути из Китая и Индии через юг Средней Азии на Ближний Восток оттесняются прямым путем Китай – Европа, который проходит через контролируруемую монголами Евразию.

Д. Абу-Луход отмечала, что Восточная Европа принимала участие в миресистеме XIII в. как регион, имевший ценное уникальное сырье (рабы-военнопленные) [5, с. 452]. Хазарию как одну из важных империй периода усиления трансконтинентальных связей в VIII в. характеризовал П. Турчин [6, р. 186]. Достаточно детальный анализ позиции Древней Руси с точки зрения мировсистем (преимущественно в парадигме И. Валлерстайна) предпринял Б.Ю. Кагарлицкий. Однако концепция исследователя оказалась слишком зависимой от теоретических построений М.Н. Покровского и некоторых других устаревших постулатов марксизма XIX – XX вв. (см. [7]). Для труда Б.Ю. Кагарлицкого также характерно преувеличение роли транснациональной торговли в развитии древнерусской экономики. Сравнивая уровни развития разных стран, исследователь порой произвольным образом выбирает отдельные технологии. При этом внимание обращается не только на наличие технологических навыков внутри изучаемого общества, но и на применение этих технологий приглашенными мастерами. Следствием такого подхода становится признание того, что «Киевская Русь» будто бы «во многом опережала Западную Европу» а «Русь Московская, в том виде, в каком она сложилась к 1450–1480 годам, в целом находилась с ней на одном уровне развития» [7, с. 114].

Торговля престижными товарами очевидным образом благоприятствует социальному расслоению общества. Однако способность централизовать власть в большей мере зависит от комплексного развития социальных связей. Поэтому, полагаем, следует принять критерий деления на центр и периферию для докапиталистического мира-системы, который предложил С. Амин, – степень централизации и завершенности формирования государственной идеологии [3, р. 31]. Исследователь также выделял внутри этого мира-системы региональные системы. С походами Александра Македонского, по мнению С. Амина, возникает средиземноморская система, единство которой проявлялось в общей метафизике, находившей свое отражение в эллинизме, христианстве и исламе [3, р. 20–21]. Распространение этой метафизики в Восточной Европе может служить одним из критериев включенности региона в данную систему.

Вхождению Восточной Европы в состав средиземноморской системы предшествовали арабо-хазарские войны на юге и норманнская колонизация на севере. Оба явления были тесно связаны с теми процессами, которые происходили в целом в христиано-иудо-исламском мире. Хазарский каганат – крупное протогосударственное образование – играл важную роль в арабо-византийском

¹ Здесь и далее перевод наш. – Д.П.

противоборстве [8, с. 262]. Результатом этих трехсторонних отношений явились как неудачные попытки исламизировать и христианизировать каганат, тем самым включив его в орбиту влияния крупнейших государств ядра системы (см. [8, с. 261–262]), так и последовавшая в итоге иудаизация тюркского государства. Экспансия викингов в Восточной Европе едва ли может рассматриваться отдельно от экспансии норманнов вообще. В IX в. северные германцы достигают высокого уровня развития, на IX – X вв. приходится пик их влияния [9, с. 286–287]. Это время активного расширения горизонтов «мировой цивилизации», «возникают и расцветают города, появляется письменность, утверждаются мировые религии и устанавливаются обширные торговые связи» [10, с. 222]. В Восточной Европе, так же как и в Северной, эти процессы проходят под непосредственным влиянием северогерманских дружин [10, с. 222–223].

На судьбу региона повлияло и изменение торговых маршрутов (кризис торговли в Средиземном море) [11, с. 584]. Реки Восточной Европы превращаются в транзитные пути, соединяющие европейский север с арабским и византийским югом. Следом за торговцами шли миссионеры. В VIII – XI вв. на севере и северо-востоке Европы монотеистические религии приобретают официальный статус, что сопровождается активными процессами государственного строительства. Эти изменения следует рассматривать как единое целое [12, с. 590].

Большую роль в поддержании связей региона со средиземноморскими центрами цивилизации играли хазары на юге и норманны на севере. Роль каганата в международной торговле широко признана. Однако для Восточной Европы значение Хазарии не ограничивалось торговым посредничеством. Археологические источники позволяют говорить о существенном влиянии хазар в конце VIII – начале X в. на культуру покоренных народов [13, с. 221].

Скандинавская активность также оказывала воздействие на значительные территории. «Открытие и функционирование» «Балтийско-Волжского пути» «являлось результатом деятельности скандинавских купцов и воинов» [10, с. 225]. Признается также важная роль варягов в процессах политогенеза в регионе. Причем не только в формировании Древней Руси. И.Л. Измайлов отмечает «реальный вклад викингов в процесс сложения средневекового Булгарского государства, его институтов и культуры» [10, с. 224]. Хазары и варяги, активно эксплуатируя трансконтинентальные торговые связи, одновременно стали центрами притяжения формирующейся восточноевропейской государственности.

Это обстоятельство заставляет обратить внимание на особую роль военизированных варварских обществ в процессах обмена между цивилизациями в докапиталистическую эпоху. Неслучайно есть точка зрения, согласно которой кочевые общества всегда находятся на полупериферии, объединяющей «в единое пространство различные региональные экономики (локальные цивилизации, мир-империи)» [14, с. 493]. Кочевники сохраняют архаичную родо-племенную структуру и, вероятно, эксплуатируются более развитыми соседями, прибегающими к неэквивалентной торговле. Однако кочевые общества сами жили за счет внешней эксплуатации. Они вымогали у земледельческих народов ресурсы, взымали плату за ненападение, участвовали в усобицах, предлагали империям услуги в подавлении восстаний, занимались грабежом [14, с. 499–501]. Сказанное, правда, относится не только к кочевым обществам, а к военизированным варварским

объединениям вообще, особенно когда речь идет о крупной племенной федерации. Если мы будем рассматривать в этом аспекте поведение русов, то оно будет во многом походить на поведение кочевников. Только если кочевые общества объединяли крупные пространства через степные просторы, варяги выполняли ту же роль, передвигаясь по рекам.

С. Амин считал, что варварские общества, занимавшие «междоузлия больших культурных областей» [3, р. 28] могли воспользоваться значительными преимуществами. Роль таких обществ была не только разрушительной, они были способны объединять большие территории «(Империя Чингисхана)», «находить себя в центре идеологических инициатив (ислам, родившийся в Аравии)», «быстро подниматься на центральные позиции» (Хорезм) [3, р. 28]. Однако важно отметить, что, активно взаимодействуя с цивилизациями и существенно влияя на их судьбу, варвары по внутренней своей организации оставались внешним явлением по отношению к этому миру. Ничего общего с положением современной полупериферии в их позициях не было. Такое свойство стран ядра, как способность переносить свои противоречия вовне, присуще варварским обществам не из-за сопоставимых с центром объемов концентрации прибавочного продукта, а из-за социальной структуры, которая исключает серьезную внутреннюю эксплуатацию.

В Восточной Европе процесс перехода от варварства к цивилизации тесно связан с распространением монотеизма. И Хазария, и Волжская Булгария, и Русь принимают монотеистические религии, чтобы подавить племенной сепаратизм, лишить родо-племенную знать сакрального статуса [15, с. 305; 16, с. 74–75; 17, с. 550] и, очевидно, обозначить «свое положение в» средневековой семье авраамических цивилизаций [18, с. 71]. Утверждение новых религий в качестве государственных сопровождается насильственными политическими акциями и важными реформами [12, с. 590–591]. При этом наиболее амбициозным оказался хазарский «проект».

Уже давно стала традиционной трактовка выбора хазарской элитой иудаизма в качестве государственной религии как результата лавирования между христианской Византией и Исламским халифатом. При этом провозглашение религией крупного многонационального политического объединения национальной иудейской религии некоторые исследователи считали исключительным [8, с. 265]. В действительности Хазария демонстрирует один из вариантов общего правила. У. Мак-Нил обнаружил интересную параллель иудаизации Хазарии – принятие уйгурами манихейства [11, с. 554]. По справедливому замечанию исследователя, возникновение «религии Мухаммеда» демонстрирует ту же логику, только в большем масштабе². И действительно, как отмечает С. Амин, ислам и иудаизм – самые близкие друг другу авраамические религии, «ислам во многом является арабизацией иудаизма» [2, р. 33]. Во время возникновения самой молодой авраамической конфессии на Аравийском полуострове шла консолидация арабских племен. Возникла необходимость в религии, дававшей обоснования этих процессов. К тому времени уже существовало христианство, но арабы отвергают его из опасения попасть в зависимость от Византии. В этих условиях иудаизм был для будущих мусульман более привлекателен, к тому же Мухамед не собирался рас-

² См. прим. 5 в тексте работы [11, с. 554].

пространять на свой народ мировую религию. В то же время арабам было сложно избежать соблазна «переписать» некоторые конструкты еврейской национальной религии, ведь они имели с иудеями общего мифологического предка [2, р. 34].

Очевидно, судьбы Аравии и Хазарии оказались слишком разными из-за определенного стечения обстоятельств. Арабы сумели сформировать новую религию. Большую роль в религиозном творчестве Мухаммеда, в свою очередь, изначально играло создание новых правовых норм и формирование государственной идеологии [19, с. 32–33]. В результате завоеваний VII в. под контролем арабов оказались древние очаги мировой цивилизации, но еще более важно, что в составе Халифата теперь находились крупнейшие центры эллинистической учености. В итоге ислам произвел настоящую революцию в регионе.

Условия, в которых оказался Хазарский каганат, были, несомненно, другими. Фактически, он вынужден был опираться исключительно на скудные ресурсы Восточной Европы. А регион явно не созрел для формирования империи. Исследователи расходятся во мнениях касательно уровня политического развития Хазарского каганата. Иногда его характеризуют как «кочевую империю» [14, с. 492]. Некоторые исследователи называют каганат феодальным государством [20, с. 3]. Особый интерес представляет точка зрения В.С. Флёрова, который, с одной стороны, вслед за С.А. Плетневой считает Хазарию земледельческой, а не кочевой страной. С другой стороны, на базе анализа археологических и письменных источников³ исследователь приходит к выводу, что в каганате шел процесс становления государственности, но этот процесс не был завершен [21, с. 265].

Примерно то же можно сказать и о государственной идеологии. В Хазарии есть явные черты ее формирования. К ним, например, следует отнести попытку интерпретировать традиционное для тюрков двоевластие с позиции конструкта ветхозаветных судий (ТШ, с. 140). Однако большее влияние на государственную идеологию оказывали языческие традиции. Как отмечает Ц. Степанов, «хазарам неоткуда было заимствовать “живую” модель иудейской державы и царской идеи и ритуальности, и им пришлось пользоваться своими старыми “царскими” матрицами, наполняя их новым содержанием» [22, с. 323]. Черты хазарской идеологии находят явные параллели не только в традиционной тюркской политической культуре. Своими отдельными элементами (особая роль соляной символики, недостижимость правителя для подданных) философия власти в Хазарии напоминала архаичные идеологии в целом.

В этом плане и вступление каганата в состав средиземноморской системы не является бесспорным. Государственная идеология тут застыла на раннем этапе ее формирования. Важно отметить, что единство материальной культуры не является достаточным условием для конструирования устойчивой империи. На территорию всего Хазарского каганата распространялась Салтово-маяцкая археологическая культура [13, с. 7–23], но, видимо, нужны были идейно-политические основы для более прочной консолидации. После крушения каганата инициа-

³ Нет намеков на существование даже самых примитивных юридических кодексов; крайне слабое развитие письма (записи краткие, нанесены руническим письмом на твердых предметах, «не найдено ни одного специализированного предмета для письма»); отсутствие «строений, которые могли бы интерпретироваться как общественные»; архаичная фискальная политика (полюдье и дань); отсутствие надежных свидетельств чеканки собственной монеты; отсутствие единого культа и т. д. [21, с. 262–264].

тива в процессах политогенеза переходит в руки варягов-норманнов. Крещение Руси, произошедшее позже исламизации Волжской Булгарии, ознаменовало более прочное вхождение региона в состав средиземноморской системы. Однако, приобщаясь к уже существующей семье цивилизаций, регион сохраняет специфику.

С крушением каганата христианский и исламский мир Восточной Европы оказался отделен от мировых культурных центров большими территориями, заселенными племенами. Государственные образования тут соседствовали с обществами, не знавшими государственности. Это обстоятельство позволяло сохранять некоторые черты предыдущего периода. Например, по-прежнему особое значение имеет внешняя эксплуатация. Западные и мусульманские источники свидетельствуют о довольно частых священных войнах (джихаде) Волжской Булгарии с соседями (см. [17, с. 555]). Иногда эти походы исследователи рассматривают в качестве свидетельства особого религиозного рвения волжских булгар [17, с. 555]. Однако необычно частое ведение джихада не обязательно обозначает особое религиозное рвение. С точки зрения авраамической религии любая война с неверными легко превращается в «священную», вне зависимости от ее действительной причины. Например, средневековый знаток мусульманского права ал-Гарнати даже убеждает мусульман, находящихся на службе у венгерского короля, в том, что война на стороне их правителя-христианина засчитывается за джихад (АХГ, с. 40). Этот же автор подробно описал военные акции булгар: «Царь в это время сильных морозов выходит в походы против неверных и уводит в плен жен их, их сыновей и дочерей и лошадей» (АХГ, с. 30). Также ал-Гарнати сообщает о народах к северу от Волжской Булгарии, которые платят царю джизью (АХГ, с. 31).

Таким образом, вырисовывается следующая картина: болгарский царь с определенной периодичностью совершает походы на иноверцев. Целью этих походов не является ни обращение в ислам, ни завоевание (как было бы в случае особого религиозного рвения). Булгары возвращаются с добычей, в том числе с рабами – важным объектом болгарской внешней торговли [23, с. 317], и устанавливают дань. Сложно определить, насколько намерения болгарского царя были связаны с потребностью трансконтинентальной торговли. Подобные войны с целью добыть рабов для сбыта европейцам позже вели коренные государства Западной Африки, чья экономика была тесно связана с работорговлей [24, с. 238]. Военные конфликты эти государства совершали регулярно в «сухой сезон» [25, с. 233]. С точки зрения мусульман, наблюдавших за военными акциями Булгар издали, и с точки зрения плохо разбиравшихся в исламе западных путешественников такие походы могли казаться проявлением неистовой религиозности.

По мнению С. Амина, в докапиталистическом обществе господствующий класс ведет войны, чтобы компенсировать потери, которые он получает в результате классовой борьбы и изменения условий внутренней эксплуатации. Экспансия, «направленная на подчинение других народов», заменяет внутреннюю эксплуатацию [26, р. 55]. Возможно, социально-экономическая ситуация в Волжской Булгарии не позволяла элите существовать за счет собственного населения. Внешней эксплуатацией была, по сути, и система эксплуатации главным древнерусским городом пригородов [27, с. 235].

Находясь на большом удалении от остальных держав средиземноморской системы, государства Восточной Европы могли сохранять известную независимость. Этот этап можно рассматривать не только как ранний, но и как переходный. Таким образом, можно предложить следующую схему интеграции региона в систему. На **первом этапе** военизированные варварские общества объединяют вокруг себя значительные территории, завоевывают и прокладывают новые торговые пути. В этот период они уже взаимодействуют с системой, но недостаточно интегрированы в нее. Такое положение позволяет использовать выгоды варварской организации. В то же время сама варварская структура не гарантирует привилегированного положения. Чтобы его завоевать, общество должно умело участвовать в войнах и торговле. Обстоятельства первого этапа приводят к разложению родо-племенного строя.

С образованием автохтонных государств и восприятием ими монотеистических религий начинается **второй этап**. С одной стороны, на данном этапе проявляются негативные тенденции – набирающая свой ход политическая дезинтеграция. Некоторые преимущества предыдущего этапа уже не доступны. Общество прочно занимает место в периферии региональной системы. Но это не означает победу классового антагонизма. Наличие ослабленной варварской периферии, свобода от центра региональной системы позволяют изымать необходимый для нового уровня развития прибавочный продукт архаичными способами. Возможен расцвет культуры (как это было в Древней Руси и Волжской Булгарии), ограниченный, правда, периферийным характером развития общества.

Третий этап характеризуется победой классового общества. Исчезновение прежних, полуварварских источников дохода толкает социумы на создание жесткой внутренней эксплуатации. На севере Восточной Европы переход к данному этапу был катализирован татаро-монгольским завоеванием, которое действительно сопровождалось большей интеграцией региона в мировые отношения обмена. Правда, их уже не всегда можно связать только со средиземноморской системой. Золотая Орда располагалась на важных торговых путях. Но «прежняя» Восточная Европа – Русь и Волжская Булгария – переживали не лучшие времена.

Представленную выше схему еще следует проверить, тщательно сопоставляя с доступными фактами. Но она позволяет предположить, что в докапиталистической системе развитые страны могли извлекать выгоду из своего положения, однако возможности для этого были ограничены. В результате интеграция странам зависимого развития несла как благо, так и вред (в зависимости от конкретной ситуации, позиции самих периферийных обществ).

Такой сложный взгляд на проблему позволяет избежать некоторых упрощений. Высокая степень социальной свободы, например, может быть следствием сохранения низкого уровня социального расслоения, особой внутренней структуры общества. Подобная структура может давать бонусы и в отношении характера торгового обмена, распространения грамотности и отдельных технологий. Но это не обязательно свидетельствует о привилегированном положении общества в системе. Более универсальный критерий – степень централизации государства, причем оно должно быть централизовано на базе бюрократической системы, а не при помощи архаичных средств поддержки солидарности, и лидерство в идеологической сфере. В этом отношении интересно отметить, что,

отличаясь некоторыми очевидными чертами зависимого развития, общества Восточной Европы домонгольского периода имели сходства с ранними мирами-системами. Указанная особенность проявлялась и в воспроизводстве системы городов-государств в Древней Руси [27, с. 223–243]⁴, и в некоторых аспектах идеологии Хазарского каганата. Отчасти это напоминало ситуацию с развитием автохтонных государств Западной Африки: Ойо, Бенин, Дагомея, чье развитие, с одной стороны, подстегивалось участием упомянутых обществ в работорговле, а с другой – они сохраняли известную независимость в своей социальной структуре и идеологии [25]. Однако эти государства интегрировались уже в другую, более развитую, капиталистическую систему. В этом отношении обнаруженная А.П. Толочко параллель между акциями русов и европейскими торговыми компаниями [24, с. 103] может иметь свою причину не только в сходстве потребностей работорговли. В обоих случаях наблюдается экспансия существующих миров-систем с той значимой разницей, что ядро даннической системы не было способно контролировать эти процессы так, как их контролировали метрополии колониальных империй. Экономика еще не стала решающим фактором глобализации. В ранней Восточной Европе религиозный фактор имел большее значение в процессах интеграции. Повлияют ли относительная независимость и своеобразие региона в VIII – XIII вв. на обстоятельства формирования поздней полупериферийной империи – вопрос, на который еще следует ответить.

Благодарности. Работа выполнена при поддержке Комплексной программы фундаментальных научных исследований УрО РАН (проект № 18-6-6-38).

Источники

- ТШ – Новое издание и новый перевод текста Шехтера // Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. – М.; Иерусалим: Гешарим, 1997. – С. 128–149.
- АХГ – Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.). – М.: Наука, 1971. – 137 с.

Литература

1. *Chase-Dunn C., Hall T.D.* Rise and Demise. Comparing World-Systems. – Boulder; Cumnor Hill: Westview Press, 1997. – XII, 322 p.
2. *Amin S.* Eurocentrism: Modernity, Religion, and Democracy. A Critique of Eurocentrism and Culturalism. – N. Y.: Monthly Rev. Press, 2009. – 290 p.
3. *Amin S.* Global History: A View from the South. – Cape Town; Dakar; Nairobi; Oxford: Pambazuka Press, 2011. – 195 p.
4. *Амин С.* Россия: долгий путь от капитализма к социализму. – СПб.: ИНИР; М.: Культурная революция, 2017. – 148 с.
5. *Абу-Луход Д.* Переструктурируя миросистему, предшествующую новому времени // Время мира: Альманах. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. – Вып. 2: Структуры истории. – С. 449–461.

⁴ О мирах-системах городов-государств см., напр., [1, p. 46].

6. *Turchin P.* Modeling periodic waves of integration in the Afro-Eurasian world-system // *Globalization as Evolutionary Process: Modeling Global Change.* – Abingdon; N. Y.: Routledge, 2008. – P. 161–189.
7. *Кагарлицкий Б.* Периферийная империя: циклы русской истории. – М.: Алгоритм: Эксмо, 2009. – 576 с.
8. *Артамонов М.И.* История хазар. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. – 524 с.
9. *Пирен А.* Империя Карла Великого и Арабский халифат. Конец античного мира. – М.: Центрполиграф, 2011. – 351 с.
10. *Измайлов И.Л.* Становление средневековой Булгарии: от племени к государству // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana.* – 2012. – № 2. – С. 217–242.
11. *Мак-Нил У.* Восхождение Запада: История человеческого сообщества. – Киев: Ника-Центр; Москва: Старклайт, 2004. – 1064 с.
12. *Пузанов Д.В.* «Революция» 1000 года в Восточной Европе: проблема прото- и постреволюций // *Вестн. Удм. ун-та. Сер. Ист. и филол.* – 2018. – Т. 28, вып. 4. – С. 588–598.
13. *Плетнева С.А.* Очерки хазарской археологии. – М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 1999. – 372 с.
14. *Крадин Н.Н.* Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // *Раннее государство, его альтернативы и аналоги.* – Волгоград: Учитель, 2006. – С. 490–511.
15. *Петрухин В.* Хазарский каганат и его соседи // *История татар с древнейших времен: в 7 т.* – Казань: Рухият, 2002. – Т. 1: Народы степной Евразии в древности. – С. 296–315.
16. *Фроянов И.Я.* Начало христианства на Руси. – Ижевск: Удм. ун-т, 2003. – 276 с.
17. *Измайлов И.* Ислам и мусульманская культура в Волжской Булгарии // *История татар с древнейших времен: в 7 т.* – Т. 2: Волжская Булгария и Великая Степь. – Казань: РухИЛ, 2006. – С. 549–556.
18. *Пузанов Д.В.* Природные явления в сакральной картине мира народов Восточной Европы. Древняя Русь и ее соседи: IX – XIII вв. – СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2018. – 480 с.
19. *Барковская Е.Ю.* Традиции культуры управления в исламе и их современное значение: Дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2009. – 416 с.
20. *Плетнева С.А.* Хазары. – М.: Наука, 1986. – 88 с.
21. *Флёров В.С.* О государственной материальной культуре и государстве Хазарский каганат // *Восточная Европа в древности и Средневековье. Миграции, расслоение, война как факторы политогенеза: Материалы конф. Москва, 18–20 апреля 2012 г.* – М.: ИВИ РАН, 2012. – С. 260–266.
22. *Степанов Ц.* Развитие концепции сакрального царя у хазар и болгар эпохи раннего Средневековья // *Хазары. Евреи и славяне.* – М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2005. – Т. 16. – С. 317–325.
23. *Полубояринова М.* Путь из Булгара в Киев. Торговые связи с Киевской Русью и древнерусскими княжествами // *История татар с древнейших времен: в 7 т.* – Т. 2: Волжская Булгария и Великая Степь. – Казань: РухИЛ, 2006. – С. 316–326.
24. *Толочко А.П.* Очерки начальной Руси. – Киев; СПб.: Лаурус, 2015. – 336 с.
25. *Кочакова Н.Б.* Рождение африканской цивилизации. Ифе, Ойо, Бенин, Дагомея. – М.: Наука, 1986. – 304 с.
26. *Amin S.* Class and Nation. Historically and in the Current Crisis. – L.: Heinemann Ibadan Nairobi, 1980. – XI, 292 p.

27. Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1980. – 258 с.

Поступила в редакцию
20.04.19

Пузанов Даниил Викторович, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник отдела исторических исследований

Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН
ул. Ломоносова, д. 4. г. Ижевск, 426004, Россия
E-mail: puzanov_dv@udman.ru

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2019, vol. 161, no. 2–3, pp. 84–95

doi: 10.26907/2541-7738.2019.2-3.84-95

**Eastern Europe in the Mediterranean System:
Stages of Medieval Globalization**

D.V. Puzanov

*Udmurt Institute of History, Language and Literature, UdmFRC, Ural Branch,
Russian Academy of Sciences, Izhevsk, 426004 Russia
E-mail: puzanov_dv@udman.ru*

Received April 20, 2019

Abstract

The integration of Eastern European societies into the Mediterranean system (in the terminology of S. Amin) was discussed. The evolution of pre-state and Early State societies was considered as the result of a complex combination of global and local factors of development. It was noted that the entry of the region into the Mediterranean system was preceded by the activity of large paramilitary pre-state formations, which successfully used the advantages of the archaic social structure in the world-system relations. The introduction of the region into the Mediterranean system was dated to the time of approval in the region of metaphysics, on which the unity of this system was based. Eastern Europe was included in the Mediterranean system as a periphery, which explains the processes of political disintegration. The stages of integration of Eastern Europe into the Mediterranean system were highlighted. It was emphasized that, in the presence of obvious signs of dependent development, the civilizations of the region had some features of the early worlds-systems, which found some analogues in the world history. The work is a rare attempt to examine the history of pre-Mongol Eastern Europe in terms of a world-system perspective.

Keywords: Khazaria, Volga Bulgaria, Ancient Rus', Mediterranean system, world-system perspective, Judaism, Christianity, Islam

Acknowledgments. The work was supported by the Complex Program for Fundamental Research of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (project no. 18-6-6-38).

References

1. Chase-Dunn C., Hall T.D. *Rise and Demise. Comparing World-Systems*. Boulder, Cunnor Hill: Westview Press, 1997. XII, 322 p.
2. Amin S. *Eurocentrism: Modernity, Religion, and Democracy. A Critique of Eurocentrism and Culturalism*. New York, Monthly Rev. Press, 2009. 290 p.

3. Amin S. *Global History: A View from the South*. Cape Town, Dakar, Nairobi, Oxford, Pambazuka Press, 2011. 195 p.
4. Amin S. *Rossiya: dolgii put' ot kapitalizma k sotsializmu* [Russia: A Long Way from Capitalism to Socialism]. St. Petersburg, INIR; Moscow, Kul't. Rev., 2017. 148 p. (In Russian)
5. Abu-Lughod D. Restructuring the world system that precedes modern times. *Vremya Mira*, 2001, no. 2, pp. 449–461. (In Russian)
6. Turchin P. Modeling periodic waves of integration in the Afro-Eurasian world-system. In: *Globalization as Evolutionary Process: Modeling Global Change*. Abingdon, New York, Routledge, 2008, pp. 161–189.
7. Kagarlitskii B. *Periferiinaya imperiya: tsikly russkoi istorii* [Peripheral Empire: Cycles of Russian History]. Moscow, Algoritm, Eksmo, 2009. 576 p. (In Russian)
8. Artamonov M.I. *Istoriya khazar* [History of Khazars]. Leningrad, Izd. Gos. Ermitazha, 1962. 524 p. (In Russian)
9. Piren A. *Imperiya Karla Velikogo i Arabskii khalifat. Konets antichnogo mira* [The Empire of Charles the Great and Islamic Caliphate. End of Antiquity]. Moscow, Tsentrpoligraf, 2011. 351 p. (In Russian)
10. Izmailov I.L. The making of the Volga Bulgaria: from tribes to a state. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2012, no. 2, pp. 217–242. (In Russian)
11. McNeill W. *Voskhozhdenie Zapada: Istoriya chelovecheskogo soobshchestva* [Rise of the West: A History of the Human Community]. Kiev, Nika-Tsentr; Moscow, Starklait, 2004. 1064 p. (In Russian)
12. Puzanov D.V. “Revolution” of the year 1000 in Eastern Europe: The problem of proto and post revolutions. *Vestnik Udmurtskogo Universiteta. Seriya Istoriya i Filologiya*, 2018, vol. 28, no. 4, pp. 588–598. (In Russian)
13. Pletneva S.A. *Ocherki khazarskoi arkheologii* [Essays on Khazar Archaeology]. Moscow, Mosty Kul't.; Jerusalem, Gesharim, 1999. 372 p. (In Russian)
14. Kradin N.N. Nomads, world empires and social evolution. In: *Rannee gosudarstvo, ego al'ternativy i analogi* [Early State, Its Alternatives, and Analogues]. Volgograd, Uchitel' 2006, pp. 490–511. (In Russian)
15. Petrukhin V. Khazar Khaganate and its neighbors. In: *Istoriya tatar s drevneishikh vremen* [The History of Tatars from Ancient Times]. Vol. 1: Peoples of Steppe Eurasia in ancient times. Kazan, Rukhiyat, 2002, pp. 296–315. (In Russian)
16. Froyanov I.Ya. *Nachalo khristianstva na Rusi* [The Beginning of Christianity in Rus']. Izhevsk, Udm. Univ., 2003. 276 p. (In Russian)
17. Izmailov I. Islam and Muslim culture in Volga Bulgaria. In: *Istoriya tatar s drevneishikh vremen* [The History of Tatars from Ancient Times]. Vol. 2: Volga Bulgaria and Great Steppe. Kazan, RukhIL, 2006, pp. 549–556. (In Russian)
18. Puzanov D.V. *Pirodnye yavleniya v sakral'noi kartine mira narodov Vostochnoi Evropy. Drevnyaya Rus' i ee sosedi: IX–XIII vv.* [Natural Phenomena in the Sacred View of the World by the People of Eastern Europe. Ancient Russia and Its Neighbors: 9th–13th Centuries]. St. Petersburg, Izd. Olega Abyshko, 2018. 480 p. (In Russian)
19. Barkovskaya E.Yu. The traditions of ruling practices in Islam and their modern value. *Doct. Hist. Sci. Diss.* Moscow, 2009. 416 p. (In Russian)
20. Pletneva S.A. *Khazary* [Khazars]. Moscow, Nauka, 1986. 88 p. (In Russian)
21. Flerov V.S. On the state material culture and Khazar Khaganate. *Vostochnaya Evropa v drevnosti i Srednevekov'e: Migratsii, rassloenie, voina kak factory politogeneza: Materialy konf. Moskva, 18–20 aprelya 2012 g.* [Eastern Europe in Antiquity and Middle Ages: Migrations, Division, and War as Factors of Politogenesis: Proc. Conf. Moscow, April 18–20, 2012]. Moscow, IVI Ross. Akad. Nauk, 2012, pp. 260–266. (In Russian)
22. Stepanov Ts. Development of the sacred tsar concept by the Khazars and Bulgarians during the epoch of Early Middle Ages. In: *Khazary. Evrei i slavyane* [Khazars. Jews and Slavs]. Vol. 16. Moscow, Mosty Kul't.; Jerusalem, Gesharim, 2005, pp. 317–325. (In Russian)

23. Poluboyarinoва M. A Path from Bolgar to Kiev. Trade relations with Kievan Rus' and Old Russian principalities. In: *Istoriya tatar s drevneishikh vremen* [The History of Tatars from Ancient Times]. Vol. 2: Volga Bulgaria and Great Steppe. Kazan, RukhIL, 2006, pp. 316–326. (In Russian)
24. Tolochko A.P. *Ocherki nachal'noi rusi* [Essays on Early Rus']. Kiev, St. Petersburg, Laurus, 2015. 336 p. (In Russian)
25. Kochakova N.B. *Rozhdenie afrikanskoi tsivilizatsii. Ife, Oio, Benin, Dagomeya* [The Origin of African Civilization. Ife, Oyo, Benin, Dahomey]. Moscow, Nauka, 1986. 304 p. (In Russian)
26. Amin S. *Class and Nation. Historically and in the Current Crisis*. London, Heinemann Ibadan Nairobi, 1980. XI, 292 p.
27. Froyanov I.Ya. *Kievskaya Rus'. Ocherki sotsial'no-politicheskoi istorii* [Kievan Rus'. Essays on Social and Political History]. Leningrad, Izd. Leningr. Univ., 1980. 258 p. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Пузанов Д.В. Восточная Европа в средиземноморской системе: этапы средневековой глобализации // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2019. – Т. 161, кн. 2–3. – С. 84–95. – doi: 10.26907/2541-7738.2019.2-3.84-95. ⟩

⟨ **For citation:** Puzanov D.V. Eastern Europe in the Mediterranean system: Stages of Medieval Globalization. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2019, vol. 161, no. 2–3, pp. 84–95. doi: 10.26907/2541-7738.2019.2-3.84-95. (In Russian) ⟩